

М.М. Рахимбердиев* , **З. Шадкам**

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

*e-mail: harisiyun@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Политическая культура современной Турции отражает динамичное взаимодействие между наследием османов и современным европейским влиянием. Это сочетание создает своеобразный баланс между традициями и преобразованиями. В начале республиканской эпохи политическая культура Турции формировалась как под влиянием внутренних устремлений к развитию, так и под внешним давлением со стороны международных организаций. Создание республики ознаменовало собой решающий сдвиг в сторону секуляризма и модернизации, однако влияние традиций оставалось устойчивым.

С приходом к власти Р. Т. Эрдогана данный баланс изменился. Период его пребывания у власти представляет собой новый этап, характеризующийся централизацией власти, что вызывает недовольство как религиозных, так и светских слоев общества. Этот этап углубил политическую поляризацию между этими группами. Религия стала более значимой объединяющей силой, чем турецкий национализм, а мусульманская идентичность выступает в качестве моста между различными социальными классами. Социально-политические проблемы, такие как кризис с сирийскими беженцами и экономическая нестабильность, оказали дальнейшее влияние на политическую культуру Турции, вызвав сдвиги в политическом сознании и вовлеченности. Данные проблемы усилили политизацию общества, выявив взаимосвязь экономических и социальных проблем с политическими взглядами. В статье рассматриваются вышеизложенные динамические взаимодействия факторов, способствующих самобытности турецкой политической культуры и подчеркивается решающая роль религии, социально-политических вопросов в формировании современного политического ландшафта. Используемая методология включает анализ исторических событий, дискурс-анализ политической риторики и изучение социально-политических тенденций на примере последних событий исследуемого региона.

Ключевые слова: идеология, национальная идентичность, политическая культура, Турция, XX и XXI века.

M.M. Rakhimberdiyev*, Z. Shadkam

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: harisiyun@gmail.com

Political culture of modern Turkey

The political culture of modern Turkey reflects a dynamic interplay between the Ottoman heritage and modern European influences. This combination creates a peculiar balance between tradition and transformation. At the beginning of the republican era, Turkey's political culture was shaped by both internal developmental aspirations and external pressure from international organisations. The establishment of the republic marked a decisive shift towards secularism and modernisation, but the influence of tradition remained steady.

With the rise to power of R. T. Erdoğan, this balance changed. His period in power represents a new phase characterised by the centralisation of power, which has caused discontent among both religious and secular sectors of society. This phase deepened the political polarisation between these groups. Religion has become a more significant unifying force than Turkish nationalism, and Muslim identity acts as a bridge between different social classes. Socio-political issues such as the Syrian refugee crisis and economic instability have further influenced Turkey's political culture, causing shifts in political awareness and engagement. These problems have increased the politicisation of society, revealing the interconnectedness of economic and social problems with political attitudes. The article examines the above dynamic interactions of factors contributing to the distinctiveness of Turkish political culture and emphasises the crucial role of religion, socio-political issues in shaping the contemporary political landscape. The methodology used includes analyses of historical events, discourse analysis of political rhetoric and the study of socio-political trends using recent developments in the region under study as examples.

Key words: ideology, national identity, political culture, Turkey, 20th and 21st centuries.

М.М. Рахимбердиев*, З. Шадкам

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

*e-mail: harisiyun@gmail.com

Қазіргі Түркияның саяси мәдениеті

Қазіргі Түркияның саяси мәдениеті османдық мұра мен қазіргі еуропалық ықпалдың өзара әрекеттесуін көрсетеді. Бұл үйлесім дәстүр мен жаңғыру арасындағы өзіндік тепе-теңдікті қалыптастырады. Республикалық дәуірдің алғашқы кезеңінде Түркияның саяси мәдениеті ішкі даму ұмтылыстарының әсерімен қатар, халықаралық ұйымдар тарапынан жасалған сыртқы қысымның ықпалымен қалыптасты. Республика құрылуы секуляризм мен модернизацияға қарай түбегейлі бетбұрысты білдіргенімен, дәстүрдің ықпалы әлі де сақталды.

Р. Т. Ердоған билікке келгеннен кейін бұл тепе-теңдік өзгеріске ұшырады. Оның басқару кезеңі биліктің орталықтандырылуымен ерекшеленеді, бұл әрі діни, әрі секулярлық топтардың наразылығын тудырды. Бұл кезең саяси поляризацияның күшеюіне алып келді. Дін түрік ұлтшылдығынан да ықпалдырақ біріктіруші күшке айналып, мұсылмандық идентификация әртүрлі әлеуметтік топтар арасындағы көпір қызметін атқарды. Сириялық босқындар дағдарысы мен экономикалық тұрақсыздық сияқты әлеуметтік-саяси мәселелер Түркияның саяси мәдениетіне елеулі әсер етіп, саяси сананың өзгеруіне және қоғамның белсенділігінің артуына ықпал етті. Бұл факторлар қоғамның саясиленуін күшейтіп, экономикалық және әлеуметтік түйткілдердің саяси көзқарастармен тығыз байланыста екенін көрсетті. Мақалада осы факторлардың өзара әрекеттесуі қарастырылып, түрік саяси мәдениетінің өзіндік ерекшелігін қалыптастырудағы дін мен әлеуметтік-саяси мәселелердің шешуші рөлі атап өтіледі. Зерттеу әдістері ретінде тарихи оқиғаларды талдау, саяси риториканы дискурсивті зерттеу және соңғы аймақтық оқиғалар негізінде әлеуметтік-саяси үрдістерді саралау әдістері қолданылады.

Түйін сөздер: идеология, ұлттық бірегейлік, саяси мәдениет, Түркия, XX және XXI ғасырлар.

Введение

Благодаря своему географическому положению, соединяющему Восток и Запад, Турция исторически воплощает в себе смесь контрастных культурных, политических и религиозных элементов. В результате турецкая политическая идентичность не является монолитной, а представляет собой динамичную и многогранную конструкцию, формирующуюся под влиянием традиций прошлого, светских реформ и новых вызовов, возникающих во взаимосвязанном мире. Сегодня изучение политической культуры Турции необходимо не только для понимания внутренней динамики страны, но и для оценки ее растущей роли в региональной и глобальной геополитике. Эта актуальность особенно очевидна в период правления президента Реджепа Тайипа Эрдогана, который изменил внутреннюю и внешнюю политику страны, укрепив религиозный символизм в общественной жизни и одновременно реализовав напористые геополитические амбиции (Göl, 2010: 797).

Исторически Османская империя оказывала огромное влияние на турецкое общество, оставив неизгладимый след в политических и культурных структурах Турции. Наследие империи, отмеченное разнообразной религиозной системой управления и глубоко укоренившейся ие-

рархией, в определенной степени сохранилось, способствуя устойчивому уважению к власти и традиционным ценностям. Османские султаны позиционировали себя и как светские правители, и как халифы ислама, воплощая двойную роль, которая уравнивала религиозную легитимность и политическую власть. Эта двойственность по-прежнему лежит в основе турецкой политической мысли и общественных настроений, формируя современные взгляды на управление, лидерство и национальную идентичность. Однако с установлением республики в 1923 году началась новая эра, а реформы Мустафы Кемала Ататюрка положили начало стремительной секуляризации и модернизации. Концепция Ататюрка заключалась в формировании турецкой идентичности, отдельной от османского правления, характеризующейся вестернизацией, секуляризмом и сдвигом в сторону национализма как объединяющей силы (Zürcher, 2004: 256). Этот основополагающий переход от империи к светской республике заложил основу для политических противоречий, которые продолжают определять турецкое общество.

Современное турецкое государство, задуманное Ататюрком, приняло кемализм в качестве руководящей идеологии, подчеркивающей разделение религии и государства, централизованное управление и приверженность нацио-

нальному суверенитету. Кемализм был направлен на сближение Турции с европейскими державами, устанавливая светскость в качестве основного принципа управления. Эти преобразования способствовали формированию светской элиты, оказывавшей влияние на институты и общественную жизнь с помощью ценностей, ориентированных на Запад. Однако, несмотря на светские устремления кемализма, османские религиозные традиции оставались влиятельными, особенно среди сельского населения и консервативных кругов. В результате двойственность между светскостью и исламом сохраняется и сегодня, отражаясь в политических дебатах, образовательных реформах и социальных установках. Эта напряженность приобрела новое значение в период правления Эрдогана, поскольку его администрация открыто бросает вызов кемалистскому секуляризму, продвигая религиозные ценности в государственных учреждениях, что находит отклик у значительной части населения и превращает ислам в центральный элемент турецкой национальной идентичности (Yavuz, 2009: 83).

Цель данной статьи – исследовать политическую культуру Турции через призму нюансов, изучив, как историческое наследие, религиозная идентичность, структуры управления и социально-политические проблемы в совокупности формируют нынешний ландшафт. Лидерство Эрдогана служит примером такого слияния, поскольку он стратегически использует османские символы и исламские нарративы для укрепления своей базы и легитимизации своего правления. Влияние Эрдогана выходит за рамки внутренней политики и определяет региональные амбиции Турции, позиционируя страну как ключевого игрока на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Восточной Европе. Эти устремления оказывают влияние на внутреннюю политическую культуру Турции, поскольку национальная идентичность и внешняя политика пересекаются с такими вопросами, как иммиграция, экономическая нестабильность и региональные союзы. Поэтому цель данного анализа – проанализировать факторы, которые отличают турецкую политическую культуру сегодня, дать представление о ее исторических корнях, идеологических разногласиях и о том, как социально-политические проблемы углубляют эти сложности.

Центральное место в этом исследовании занимают несколько ключевых задач. Во-первых, как османское и кемалистское наследие влияют

на политическую идентичность? Для ответа на этот вопрос изучается, как османские структуры и кемалистские реформы сосуществуют в турецком обществе. Например, консервативные слои общества рассматривают продвижение исламских ценностей Эрдоганом как продолжение османского правления, в то время как секуляристы отстаивают кемализм как основу современной турецкой идентичности. Это противоречие между исторической преемственностью и идеологическими реформами составляет основу политической культуры Турции.

Во-вторых, исследуется роль религии в объединении или разделении общества. Религия остается важным источником единства для многих граждан, но при правлении Эрдогана поляризация усилилась, создав раскол между светскими и религиозными фракциями. Политика Эрдогана, включая расширение религиозного образования и поддержку консервативных ценностей, вызывает споры о секуляризме, что влияет на национальную сплоченность (Çarkoğlu и Toprak, 2007: 42). Выдвигая ислам как объединяющую силу, Эрдоган укрепил связи с религиозными общинами, особенно в сельской местности, но оттолкнул сторонников светского образа жизни, сосредоточенных в городах.

В-третьих, рассматриваются социально-политические факторы, такие как экономическая нестабильность и миграция, способствующие политической поляризации. Высокий уровень инфляции и безработицы обострил недовольство населения и повысил политическое сознание, особенно среди тех, кто обычно оставался аполитичным. Приток сирийских беженцев привнес новую социальную динамику, создавая напряженность в вопросах идентичности и распределения ресурсов, влияя на отношение населения к государственной политике.

Наконец, политическая культура Турции формируется под воздействием её региональных и глобальных взаимодействий. Внешняя политика Эрдогана, направленная на усиление роли Турции как регионального лидера, вызывает различные реакции внутри страны, влияя на национальную гордость и обеспокоенность милитаризацией и дипломатической изоляцией (Keyman и Öniş, 2007: 215).

В данной статье мы рассмотрим эти темы – историческое наследие, религию, социально-политические факторы и международную динамику – для того, чтобы дать всесторонний анализ современной политической культуры Турции. В

то время как Турция продолжает идти по своему уникальному пути, это исследование предлагает ценные взгляды на силы, формирующие ее национальную идентичность и роль на мировой арене.

Материалы и методы

В статье используются качественные методы для анализа политической культуры современной Турции. Источники включают в себя научную литературу, правительственные отчеты и опросы общественного мнения с акцентом на взаимодействие между секуляризмом, религией и национализмом. В исследовании также рассматриваются исторические влияния Османской империи и раннего республиканского периода для контекстуализации современных событий под руководством Реджепа Тайипа Эрдогана. Эмпирические данные, полученные от национальных и международных исследовательских институтов, позволили получить представление о ценностях и восприятии граждан, что способствовало более глубокому пониманию изменений в политической культуре.

Кроме того, исследование включает в себя сравнительный анализ, в котором политическая культура Турции противопоставляется другим странам, особенно европейским и ближневосточным. Такое сравнение помогает подчеркнуть уникальный баланс между западными демократическими принципами и исламской идентичностью Турции. Примеры политических событий, таких как конституционные реформы и ключевые выборы, иллюстрируют, как современная политическая динамика изменила культурный ландшафт.

Обзор литературы

В ходе исследования был проведен анализ ключевых аспектов политической культуры современной Турции, включая влияние османского наследия, процессы секуляризации и исламизации, а также развитие политической идеологии в условиях правления Реджепа Тайипа Эрдогана. Особое внимание уделено влиянию внешних факторов, таких как глобальная политика и внутренние социальные вызовы, включая миграционный кризис. Литературный обзор включал работы как турецких, так и зарубежных исследователей, таких как Çarkoğlu A., Toprak B. (2007), Neper M. (2002) и Yavuz M.H. (2009),

которые раскрывают взаимодействие традиции и модернизации в политической культуре Турции. Также были проанализированы данные о политической ситуации в стране, включая результаты исследований U.S. Department of State (2019), MetroPoll (2023) и ключевые тенденции в политическом курсе, представленные в работах Аваткова В.А. (2019). Эти источники помогли сформировать целостное представление о трансформациях турецкой политической культуры и ее текущем состоянии.

Анализ

Исторически так сложилось, что политическая культура Турции представляет собой сложное явление, сформированное взаимодействием имперских наследий, революционной современности и непрерывных переговоров между конкурирующими видениями идентичности. Чтобы препарировать эту сложность, нужно проследить изменение от плюралистического, но иерархического управления Османской империи до кемалистского разрыва с традицией и, наконец, до современного синтеза религиозного национализма при Реджепе Тайипе Эрдогане. Каждая эпоха показывает, как политическая идентичность Турции была выкована через спор – между исламом и секуляризмом, централизацией и плюрализмом, а также внутренними устремлениями против глобального давления.

Наследие Османской империи является основополагающим для понимания современной Турции. Ее модель управления создала структуру, в которой религия и государственное управление были неразделимы. «Система миллета», которая предоставляла религиозным меньшинствам ограниченную автономию под властью султана, позволяла евреям, христианам и мусульманам сосуществовать в иерархической, но относительно толерантной структуре. Эта система, хотя и новаторская для своего времени, усилила главенство суннитского ислама как идеологического якоря империи, при этом султан-халиф олицетворял как политическую, так и духовную власть. Однако упадок империи в 19 веке заставил считаться с современностью. Реформы Танзимата (1839–1876), вдохновленные европейскими административными моделями, стремились централизовать власть и секуляризировать институты, сохраняя при этом исламскую легитимность. Это парадоксальное принятие бюрократии западного образца в исламском госу-

дарстве посеяло семена двойной идентичности, которая позже раскололась под тяжестью республиканских реформ (Нерет, 2000: 70). Например, введение светских судов наряду с шариатскими трибуналами создало гибридную правовую систему, которая предвещала сохраняющееся напряжение в Республике между религиозной традицией и светской современностью.

Распад Османской империи после Первой мировой войны ускорил радикальное переосмысление при Мустафе Кемале Ататюрке, чье видение Турции отвергло имперское прошлое в пользу светского, этнически однородного национального государства. Кемализм был не просто политическим проектом, а культурной революцией. Отменив халифат, заменив арабскую письменность латиницей и подчинив религию государственному контролю через Управление по делам религий (Diyanet), Ататюрк стремился стереть исламско-османские символы и воспитать «современное» гражданство, лояльное турецкому государству. Конституция 1924 года закрепила секуляризм (laiklik) в качестве основного принципа, в то время как отмена ислама как государственной религии в 1928 году подчеркнула разрыв кемализма с прошлым. Эта секуляризация сверху вниз столкнулась с сопротивлением в сельской Анатолии, где сохранились исламские практики и курдская идентичность (Zürcher, 2004: 174-175). Восстание шейха Саида 1925 года – курдско-исламистское восстание против светских реформ – выявило пределы кемалистской ассимиляции, обнажив раскол между городской элитой и периферией, который сохраняется и по сей день. Эта культурная бифуркация стала повторяющейся темой в турецкой политике, поскольку сменявшие друг друга правительства колебались между принудительным секуляризмом и неохотным принятием религиозного и этнического многообразия.

Середина 20 века ознаменовала собой поворотный момент в этой динамике. Подъем Демократической партии (ДП) в 1950 году, положивший конец монополии Народно-республиканской партии (НРП) на власть, ознаменовал собой осторожное переосмысление секуляризма. Популистская политика ДП, такая как повторное введение арабских призывов к молитве и расширение религиозного образования, затронула низовую религиозность, предвещая постепенное возвращение ислама в общественную жизнь. Эта тенденция усилилась после военного переворота 1980 года, который парадок-

сальным образом одобрил «турецко-исламский синтез» для противодействия левым движениям и курдскому сепаратизму. Военные, традиционно являвшиеся хранителями кемализма, теперь продвигали суннитский ислам как объединяющую силу, легитимируя его политическую роль. Этот идеологический поворот позволил исламистским партиям, таким как Партия благосостояния (РП) Неджметтина Эрбакана, набрать обороты в 1990-х годах. Риторика РП представляла ислам как моральное противоядие от вестернизации, находя отклик у маргинализированных сообществ, отчужденных светскими элитами. Однако конфронтационная позиция партии по отношению к секуляризму привела к ее запрету в 1998 году, что подготовило почву для более прагматичной Партии справедливости и развития (ПСР), основанной в 2001 году Реджепом Тайипом Эрдоганом. Гениальность ПСР заключалась в переосмыслении ислама как совместимого с современностью, подчеркивании экономического развития и демократических реформ при одновременной тонкой интеграции религиозных ценностей в управление. Некоторые ученые называют это «мусульманским национализмом», сплавом благочестия и турецкой исключительности, который контрастирует с кемалистским секуляризмом (Yavuz, 2009: 79). Политика ПСР – расширение школ имамов-хатипов, отмена запрета на ношение платков и оформление программ социального обеспечения как исламской благотворительности – укрепила ее привлекательность среди консервативных и сельских избирателей. Для этих групп такие меры представляют собой возвращение культурной аутентичности после десятилетий секуляристской маргинализации. Однако секуляристы воспринимают их как эрозию наследия Ататюрка, усугубляющую общественную поляризацию. Протесты в парке Гези 2013 года – изначально выступавшие против городского развития – переросли в общенациональную секуляристскую реакцию против воспринимаемой исламизации, запечатлевшую этот раскол. Опросы, проведенные Государственным департаментом США (2018), отражают раскол нации: 52% турок считают политическую роль ислама «чрезмерной», в то время как 44% ее одобряют. Этот раскол не только идеологический, но и пространственный, противопоставляя городские центры, такие как Стамбул и Анкара, сельской Анатолии, где религиозно-националистическое повествование ПСР находит глубокий отклик. Централизация власти

Эрдоганом еще больше укрепила эти разделения. Конституционный референдум 2017 года, который перевел Турцию на президентскую систему, сконцентрировал власть в исполнительной власти, маргинализовав парламент и судебную систему. Чистки после переворота 2016 года, в результате которых было изгнано более 150 000 государственных служащих, ученых и журналистов, являются примером этой консолидации. Критики утверждают, что режим Эрдогана отражает османскую автократию, смешивая персонализированное правление с религиозным популизмом. Тем не менее, для многих сторонников – особенно сельских и религиозных общин – централизация символизирует стабильность после десятилетий раздробленных коалиционных правительств. Низовые сети ПСР, включая религиозные братства (джемааты) и НПО, такие как Фонд Ensar, укрепляют лояльность посредством покровительства. Например, общежития и стипендии Ensar для консервативной молодежи создают зависимости, которые трансформируются в электоральную поддержку. И наоборот, городские секуляристы воспринимают централизацию как авторитарное перенапряжение, раздражающее инакомыслие, очевидное на выборах мэра Стамбула в 2019 году. Когда кандидат от оппозиции Экрем Имамоглу с небольшим перевесом победил ПСР, попытки правительства аннулировать результаты, ссылаясь на сомнительные «нарушения», подчеркнули его нетерпимость к плюрализму. Это можно описать как «двухуровневую систему», где лояльность режиму диктует доступ к ресурсам, закрепляя циклы покровительства и исключения. Эта динамика изменила политическую активность: сельское население видит в ПСР своего защитника, а городские секуляристы чувствуют себя все более бесправными.

Социально-политические кризисы еще больше напрягли социальную структуру Турции. Сирийский кризис беженцев, в Турции находится более 3,6 млн сирийцев, разжег нативистские настроения. В то время как правительство формулирует свою политику открытых дверей как исламскую солидарность, оппоненты обвиняют беженцев в безработице и культурной эрозии – нарратив, усиленный экономической нестабильностью. Валютный кризис 2018 года, в результате которого лира потеряла 40% своей стоимости, и хроническая инфляция (официально 80% в 2022 году) подорвали уровень жизни. Безработица среди молодежи, превышающая 25%,

породила разочарование, примером чего стали «Хлебные марши» 2022 года, протестующие против резкого роста цен на продукты питания. Однако кризисы также катализируют политическую мобилизацию. Протесты в Университете Бogaзичи в 2021 году, вызванные назначением Эрдоганом верных ректоров, переросли в молодежное движение против авторитаризма, сочетающее требования академической свободы с более широкой критикой централизованной власти. Аналогичным образом, феминистские и ЛГБТ группы, хотя и маргинализированные, используют цифровые платформы для оспаривания патриархальных норм. Кампании против фемицида и выход из Стамбульской конвенции 2021 года – знаменательного договора о гендерном насилии – подчеркивают устойчивость низового активизма. В этих движениях можно заметить «новую политическую субъективность» – городскую, образованную и глобально связанную, – которая сочетает местные недовольства с транснациональными дискурсами прав и справедливости (Göçek, 2011: 99). Эти движения, хотя и раздробленные, представляют собой контрнарратив религиозно-националистической гегемонии ПСР, иллюстрируя плюрализм, который сохраняется, несмотря на авторитарную консолидацию.

Геополитические амбиции Турции еще больше усложняют ее внутреннюю политическую культуру. Позиционируясь как мост между Европой и Азией, она лавирует между шатким балансом между обязательствами НАТО и неоосманскими устремлениями. Вмешательства Эрдогана в Сирии и Ливии, представленные как защита интересов суннитов, находят отклик у внутренних консерваторов, но отталкивают западных союзников. Процесс вступления в ЕС, когда-то являвшийся катализатором демократических реформ, застопорился, что снизило внешнее давление в пользу либерализации (Smeets и Beach, 2020: 131). Вместо этого транзакционная дипломатия – например, соглашение о беженцах 2016 года, когда Турция остановила потоки мигрантов в Европу в обмен на 6 миллиардов евро – подчеркивает прагматичную реальную политику Анкары. Одновременно с этим, выход Турции на Центральную Азию через Тюркский совет укрепляет пантюркистскую идентичность, в то время как гуманитарная помощь странам с мусульманским большинством, таким как Сомали, укрепляет ее имидж мирового исламского лидера. Однако эти амбиции сталкиваются с внутренними противо-

речиями. Поддержка режимом исламистских идей за рубежом контрастирует с подавлением курдского национализма внутри страны, олицетворением которого стало военное наступление 2019 года на сирийских курдов (Çevik, 2022: 3). Такая двойственность раскрывает взаимодействие внутренней политики идентичности и внешней политики, где националистические и религиозные нарративы используются для консолидации власти. Неоосманская риторика ПСР, призывающая к историческому величию, служит как для легитимации лидерства Эрдогана, так и для позиционирования Турции как регионального посредника – стратегия, которая находит отклик у внутренней аудитории, но усложняет международные альянсы.

В заключение следует сказать, что политическая культура Турции – это палимпсест – текст, который постоянно переписывается, но никогда не стирается полностью. Османское наследие исламского управления, разрыв кемалистов с традицией и синтез религии и национализма Эрдогана образуют перекрывающиеся слои, которые формируют современные реалии. Социально-экономические кризисы и геополитические амбиции действуют как центробежные и центростремительные силы, фрагментируя общество и способствуя новой солидарности. По мере того, как Турция приближается к своему столетию как республики, ее политическая культура остается в движении, воплощая напряженность между традицией и современностью, единством и разнообразием, авторитаризмом и инакомыслием. Путь вперед будет зависеть от того, смогут ли ее институты примирить эти противоречия или поддадутся поляризующей логике политики «победитель получает все» – вопрос, имеющий глубокие последствия для роли Турции во все более многополярном мире. Устойчивость низовых движений, неустойчивость экономических условий и глобальные отголоски внешнеполитического выбора Турции – все это будет формировать эту траекторию, гарантируя, что изучение турецкой политической культуры останется столь же актуальным, сколь и сложным.

Результаты

Синтез османского и кемалистского влияний в современной турецкой политической идентичности проявляется не как линейная последовательность идеологий, а как спорное сосуществование, где исторические символы стра-

тегически перепрофилируются для навигации по современному управлению. Эта двойственность проявляется в государственных ритуалах, таких как празднование Дня Республики, где военные парады в честь светской республики Ататюрка сопоставляются с чтением Корана в недавно восстановленных мечетях османской эпохи – намеренное смешение республиканской и исламской иконографии. Публичная риторика также иллюстрирует это взаимодействие: В своих выступлениях Эрдоган часто ссылается на «дух независимости» Ататюрка, одновременно ссылаясь на османских халифов как на образцы нравственности, – дискурсивная стратегия, которая объединяет светские и религиозные группы. Такая практика показывает, как государство избирательно присваивает историческое наследие для легитимации своей власти, создавая гибридную идентичность, которая находит отклик у различных слоев общества.

Устойчивое влияние ранних республиканских ценностей особенно ярко выражено в националистическом дискурсе, где кемалистские идеалы единства и секуляризма сохраняются, хотя и в измененных формах. Старшие поколения, социализированные в условиях строгого светского образования, часто приравнивают турецкость к верности принципам Ататюрка, рассматривая религиозный символизм в политике как предательство основополагающего этоса Республики. Напротив, более молодые демографические группы, особенно в консервативных сельских районах, все чаще связывают национальную идентичность с исламским благочестием, сдвиг, усиленный спонсируемым государством религиозным образованием и риторикой ПСР (Аватков, 2019: 143). Этот разрыв поколений отражается в отношении к светскому управлению: городские секуляристы требуют строгого разделения религии и государства, в то время как религиозные консерваторы выступают за политику, отражающую «анатолийские ценности», такие как ограничения на употребление алкоголя и гендерно-сегрегированные общественные пространства. Однако даже внутри этих идеологических лагерей возникают нюансы. Например, некоторые светские националисты одобряют неоосманскую внешнюю политику Турции как возрождение исторического величия, в то время как некоторые религиозные избиратели критикуют экономическую неэффективность ПСР, несмотря на поддержку ее культурной повестки дня.

Религия, в частности суннитский ислам, стала доминирующей осью социальной сплоченности, преодолевая региональные и классовые различия. Сеть религиозных благотворительных организаций ПСР, таких как Фонд Türkiye Diyanet, ежегодно распределяет помощь более чем 2 миллионам домохозяйств, позиционируя благосостояние как религиозную обязанность (закят), а не как государственную обязанность. Эта исламская солидарность подкрепляется посредством общественных инициатив, возглавляемых мечетями, от оказания помощи при стихийных бедствиях до профессиональной подготовки, которые способствуют коллективной идентичности как среди городских мигрантов, так и среди сельского населения. Растущая роль Diyanet (Управления по делам религий) в управлении подчеркивает этот сдвиг. Когда-то бюрократическое учреждение, поддерживающее государственный секуляризм, теперь Diyanet функционирует как идеологический аппарат, издавая религиозные указы по политическим вопросам и легитимируя политику правительства посредством пятничных проповедей. Расширение исламского образования, от школ имамов-хатипов до факультетов теологии, обеспечивает преемственность поколений этой религиозно-политической парадигмы. Однако эта объединяющая роль сосуществует с углубляющейся поляризацией. Повторное превращение собора Святой Софии в мечеть в 2020 году, хотя религиозные консерваторы и праздновали его как восстановление османского наследия, было осуждено секуляристами как стирание республиканского секуляризма. Медиаэкосистемы усиливают этот разрыв: проправительственные СМИ, такие как TRT Haber, подчеркивают исламское единство и антизападные нарративы, в то время как оппозиционные платформы, такие как Gazete Duvar, критикуют смешение благочестия и управления. Таким образом, гражданское участие разделилось: религиозные общины мобилизуются через сети мечетей, а светские группы используют цифровой активизм, как это видно на феминистских кампаниях против гендерного насилия, которые смешивают местные недовольства с глобальным дискурсом о правах человека (Байбатырова, 2010: 245).

Сравнительно, национализм остается мощной, но вторичной объединяющей силой. Хотя кемалистский светский национализм все еще лежит в основе военных и бюрократических институтов, его привлекательность среди широких

слоев населения ослабла. «Мусульманский национализм» ПСР, который переплетает исламскую идентичность с турецкой исключительностью, вытеснил его в качестве основной объединяющей идеологии. Этот сдвиг очевиден в реформах образования, которые отдают приоритет истории Османской империи над республиканскими достижениями, и в дипломатической риторике, позиционирующей Турцию как «защитника мировых мусульман». Тем не менее, национализм сохраняется в определенных контекстах, таких как широко распространенная поддержка военных операций против курдских групп, которые представляются как экзистенциальные угрозы территориальной целостности. Синтез ислама и национализма в рамках ПСР создал гибридную идентичность, которая апеллирует как к религиозным, так и к националистическим чувствам, хотя это слияние рискует оттолкнуть не-суннитские меньшинства, такие как алевиты и курды, которые чувствуют себя исключенными из доминирующего нарратива.

Централизация власти Эрдоганом глубоко изменила динамику управления, разрушив институциональные сдержки и противовесы. Общественное доверие к судебной системе резко упало, при этом опросы показали, что 65% турок считают суды политически влиятельными – мнение, подтвержденное чисткой после 2016 года более 4000 судей (Baser и Öztürk, 2017: 25-27). Свобода СМИ также ухудшилась, и Турция заняла 165-е место из 180 стран в Индексе свободы прессы 2023 года, поскольку независимые СМИ сталкиваются с цензурой или поглощением проправительственными конгломератами. Образование стало полем битвы, при пересмотре учебных программ упор делается на религиозоведение и историю Османской империи в ущерб критическому мышлению и республиканским ценностям. Эти изменения вызвали различные реакции: сельские и религиозные общины, исторически маргинализированные светскими элитами, в значительной степени одобряют централизацию как исправление прошлой изоляции, в то время как городские секуляристы рассматривают ее как авторитарное посягательство. Молодежный активизм является примером этой дихотомии. Студенты университетов в Стамбуле и Анкаре организовали протесты против академической цензуры, такие как демонстрации в Университете Богазичи в 2021 году, в то время как консервативные молодежные группы, часто связанные с религиозными фондами, проводят

митинги в поддержку политики правительства (Öztürk, 2021: 173).

Долгосрочные последствия централизации для демократического участия неоднозначны. Хотя явка избирателей остается высокой (87% на выборах 2023 года), это отражает не столько живую демократию, сколько поляризованный электорат, вынужденный выбирать между укороенившимися бинарностями. Оппозиционные партии из всех сил пытаются выйти за рамки своего элитарного имиджа, несмотря на локальные успехи, такие как победа Экрема Имамоглу на выборах мэра Стамбула, которая зависела от прагматичных призывов к экономической справедливости, а не от идеологической чистоты. Массовые движения, особенно среди экологических и феминистских групп, набрали обороты, обойдя традиционную партийную политику, однако их влияние остается ограниченным государственными репрессиями. Парадоксально, но централизация подстегнула как апатию, так и мобилизацию: пожилые сельские избиратели демонстрируют стойкую лояльность ПСР, в то время как молодые городские когорты все больше отстраняются от официальной политики, направляя несогласие через искусство, социальные сети и инициативы гражданского общества.

Социально-политические проблемы, в частности, кризис с беженцами в Сирии и экономическая нестабильность, еще больше изменили политическое сознание. Присутствие 3,6 млн сирийцев обострило нативистские настроения, и 72% турок выступают за репатриацию, согласно опросу MetroPoll 2023 года. Экономические кризисы, включая крах лиры и безудержную инфляцию, усугубили разочарование, особенно среди семей с низким доходом, которые обвиняют беженцев в подавлении заработной платы и росте арендной платы. Тем не менее, это давление также способствовало солидарности внутри общин. В таких городах, как Газиантеп, местные жители и сирийцы сотрудничают в неформальной экономике, бросая вызов монолитным нарративам разделения. Одновременно появляются новые политические нарративы: левая Рабочая партия Турции добилась успеха, связав экономическую справедливость с антибеженской риторикой, в то время как прогрессивные фракции в РНП выступают за инклюзивную политику в отношении беженцев, отражая зарождающийся переход от политики, основанной на идентичности, к политике, основанной на проблемах.

Молодежь и маргинализированные группы находятся на переднем крае этого переопределения. Студенты университетов, вдохновленные глобальными движениями, такими как Fridays for Future, выдвигают локальные требования к действиям по борьбе с изменением климата, в то время как курдские феминистки преодолевают двойные репрессии со стороны государства и патриархальных структур, чтобы отстаивать права меньшинств. Коллективы ЛГБТ, хотя и криминализированные в соответствии с неопределенными законами об «общественной морали», используют цифровые платформы для создания транснациональных альянсов, как это видно по их солидарности с глобальными движениями Pride. Эти группы иллюстрируют более широкую тенденцию: политическая идентичность все больше отделяется от традиционных принадлежностей, а молодые поколения отдают приоритет интерсекциональным вопросам, а не идеологическим догмам.

Геополитическое позиционирование Турции еще больше усложняет ее внутреннюю политическую культуру. Членство в НАТО и Организации тюркских государств усиливает двойную идентичность: светскую демократию, ориентированную на Запад, и лидера тюрко-исламского мира. Общественное мнение отражает эту двойственность. В то время как 58% турок выступают за сохранение членства в НАТО (исследование MetroPoll 2022 года), растет скептицизм в отношении ЕС, который воспринимается как лицемерный в своих требованиях демократических реформ. Отношения с Россией и Центральной Азией, представленные как возрождение исторического тюркского братства, находят отклик у националистических и религиозных кругов, но при этом напрягают связи с западными союзниками (Azmukhanova и Egamberdiyev, 2024: 17). Внутри страны этот балансирующий акт разжигает дебаты об «истинной» идентичности Турции: проправительственные СМИ отстаивают дипломатию беспилотников Анкары и военный экспорт как признаки восстановленной имперской доблести, в то время как светские критики предупреждают о дипломатической изоляции. Региональные устремления, особенно в Сирии и Ливии, стали лакмусовой бумажкой для национального единства. Военные вмешательства, оправдываемые защитой мусульман-суннитов и борьбой с терроризмом, пользуются

широкой поддержкой среди консерваторов, но сталкиваются с противодействием со стороны секуляристов и курдов, которые считают их дорогостоящим отвлечением от внутренних кризисов. Нагорно-карабахский конфликт 2020 года, где Турция поддержала Азербайджан, временно объединил разрозненные группы под пантюркистским знаменем, демонстрируя, как внешние конфликты могут перевешивать внутренние разногласия. Однако такое единство мимолетно, как видно из поляризованной реакции на возвращение беженцев на север Сирии, где националистическое признание сталкивается с гуманитарными проблемами.

В целом, политическая культура Турции определяется ее способностью поглощать противоречия – исторические и современные, религиозные и светские, авторитарные и партисипативные. Эти противоречия не разрешаются, но постоянно обсуждаются, создавая текучую идентичность, которая бросает вызов жесткой категоризации. Синтез османской ностальгии и религиозного национализма в ПСР переопределил условия взаимодействия, однако низовые движения и социально-экономическое давление гарантируют, что этот нарратив остается оспариваемым. По мере того, как Турция лавирует в глобальных и региональных течениях, ее политическая культура будет продолжать развиваться, формируясь взаимодействием памяти, власти и сопротивления.

Заключение

Политическая культура Турции, глубоко укоренившаяся в османском прошлом и сформировавшаяся под влиянием кемалистской концепции, превратилась в сложную смесь секуляризма, исламизма и национализма, особенно в период правления Эрдогана. Противостояние между этими элементами усилило раскол в обществе: сельские и религиозные общины в основном поддерживают централизацию власти, в то время как городские светские жители сопротивляются тому, что они воспринимают как эрозию светских идеалов. Политическая культура отражает не только историческое наследие, но и современные социально-экономические проблемы, такие как кризис беженцев и экономическая нестабильность, которые еще больше углубляют разногласия. В то же время низовые движения и молодежные протесты являются яркой контрпропагандой авторитарных тенденций правительства. В перспективе политическое будущее Турции остается неопределенным, поскольку страна сталкивается с противоречиями между авторитарной консолидацией и требованиями плюрализма, справедливости и демократии. Устойчивость этих противоборствующих сил определит, сможет ли Турция сохранить хрупкий баланс между модернизацией и традициями, централизацией и разнообразием, ориентируясь на свою роль в региональном и глобальном контекстах.

Литература

- Avatkov, V. A. (2019). Turcija segodnja. Ključevye tendencii v političeskom kurse. *Svobodnaja mysl'*, 2(1674), 141-146.
- Azmukhanova, A. M., & Egamberdiyev, M. Sh. (2024). Historical aspect of Turkey's multi-vector regional policy (Central Asia). *Turkic Studies Journal*, 6(3), 14-30.
- Bajbatyrova, N. M. (2010). Otrazhenie processov islamizacii i sekuljarizacii tureckogo obshhestva v presse. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura*, 1, 243-247.
- Baser, B., & Öztürk, A. E. (2017). *Authoritarian politics in Turkey: Elections, resistance and the AKP*. Bloomsbury Publishing.
- Çarkoğlu, A., & Toprak, B. (2007). *Religion, society and politics in a changing Turkey*. TESEV.
- Çevik, S. (2022). Turkey's military operations in Syria and Iraq.
- Fuat Keyman, E., & Öniş, Z. (2007). Globalization and social democracy in the European periphery: Paradoxes of the Turkish experience. *Globalizations*, 4(2), 211-228.
- Göçek, F. M. (2011). The Transformation of Turkey.
- Göl, A. (2009). The identity of Turkey: Muslim and secular. *Third World Quarterly*, 30(4), 795-811.
- Heper, M. (2000). The Ottoman legacy and Turkish politics. *Journal of International Affairs*, 63-82.
- MetroPoll. (2022). AB ve NATO: Türkiye'nin Nabızı Mart 2022 [Elektronnyy resurs]. MetroPoll Araştırma. Retrieved from https://www.metropoll.com.tr/upload/content/files/1907-ab-ve-nato-tn_mart22.pdf
- MetroPoll. (2023). Türkiye'nin Nabızı: Ocak 2023 [Elektronnyy resurs]. MetroPoll Araştırma. Retrieved from <https://www.metropoll.com.tr/upload/content/files/1916-tn-ocak23-icindekiler.pdf>
- Ozturk, A. E. (2021). *Religion, identity and power: Turkey and the Balkans in the twenty-first century*. Edinburgh University Press.

Smeets, S., & Beach, D. (2020). When success is an orphan: informal institutional governance and the EU–Turkey deal. *West European Politics*, 43(1), 129-158.

U.S. Department of State. (2019). Turkey 2018 International Religious Freedom Report [Elektronnyy resurs]. Washington, D.C.: U.S. Department of State. Retrieved from <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/TURKEY-2018-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf>

Yavuz, M. H. (2009). *Secularism and Muslim democracy in Turkey*. Cambridge University Press.

Zürcher, E. J. (2017). *Turkey: A modern history*. Bloomsbury Publishing.

Information about authors:

Rakhimberdiyev Madi Muratuly – first-year master's student in Oriental Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan e-mail: harisiyun@gmail.com).

Shadkam Zubaida (corresponding author) – candidate of philological sciences, professor, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: zubaida.68@gmail.com).

Сведения об авторах

Рахимбердиев Мадии Муратулы – магистрант первого курса по специальности востоковедение, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: harisiyun@gmail.com).

Шадкам Зубайда (ответственный автор) – кандидат филологических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: zubaida.68@gmail.com).

Поступила 20 декабря 2024 года

Принята 11 мая 2025 года